

И.П. ДОБАЕВ,

А.И. ДОБАЕВ

Финансовые аспекты подпитки сетевых террористических структур на Северном Кавказе

В статье представлены основные направления и источники финансирования террористических структур в мире и на Северном Кавказе. Показана их обусловленность процессами глобализации экономики и переходом террористических групп к сетевым принципам организации. Представлена объемная картина трансформации финансирования сетевых террористических группировок на Северном Кавказе, заключающаяся в сокращении поступлений из внешних источников и усилении внутренней финансовой подпитки терроризма, диверсификации внутренних источников, развитии системы тотального вымогательства, обосновываемого в качестве так называемого “налога на джихад”.

Ключевые слова: джихад, закят, “Имарат Кавказ”, исламизм, радикальный исламизм, Северный Кавказ, терроризм, финансирование терроризма, хавала, экстремизм.

Основные черты современного терроризма, нередко прикрывающегося исламом, заключаются в следующем: структурно он не замыкается в рамках одного региона; его организационное строение может быть разным, причем отдельные террористические группы выстроены по сетевому принципу, а их деятельность предельно децентрализована, однако фиксируется общность идеологических доктрин и целей. Террористические структуры, в принципе, в состоянии осуществить акции с применением оружия массового уничтожения и современных технологий, что может привести к последствиям катастрофического характера не только для отдельных государств, но и всего мирового сообщества.

Отличительной особенностью современной ситуации стала высокая степень адаптации террористических организаций к реалиям окружающего мира. Их структура может быть как строго иерархическая, так и с “размытым” управленческим механизмом. Отмечается наличие структур, организованных по типу “паучьей сети”, а также полностью независимых. Характерно для терроризма на данном историческом этапе и беспрецедентное включение исламистского компонента, особенно в идеологические конструкторы.

Важно помнить и о таком свойстве современного терроризма: традиционный терроризм былых времен не угрожал обществу как таковому, не затрагивал основ его жизнедеятельности. Современный же высокотехнологичный терроризм способен продюсировать системный кризис в любом государстве с высокоразвитой информационной

Д о б а е в Игорь Прокопьевич — доктор философских наук, профессор, эксперт Российской академии наук, Южный федеральный университет. Адрес: 344006 Ростов-на-Дону, Большая Садовая ул., 105/42. E-mail: dobaev@gmail.com.

Д о б а е в Андрей Игоревич — кандидат экономических наук, эксперт Центра региональных исследований Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет. Адрес: 344006 Ростов-на-Дону, Большая Садовая ул., 105/42. E-mail: andrros@gmail.com.

инфраструктурой, примером чему может служить деятельность на территории Ирака и Сирии так называемого “Исламского государства” — организации, запрещенной на территории Российской Федерации.

В этой связи “новый терроризм” в последние годы стал объектом всестороннего исследования. Специалистов прежде всего интересует динамика изменений, обусловленных формированием идеологических доктрин радикальных исламистов, их организационных структур, а также форм и методов осуществления ими специфической политической практики. Однако есть и четвертый важный аспект, касающийся вопросов финансовой подпитки терроризма, поскольку совершенно очевидно, что без наличия соответствующей экономической базы, без финансирования современное террористическое движение не смогло бы так долго существовать. Основная задача, которую мы поставили перед собой, — выявление основных источников и специфики финансовой поддержки терроризма в северокавказском регионе России.

Основные тенденции в финансировании современного терроризма

За последние два десятилетия финансирование террористических группировок существенно трансформировалось [Добаев 2010]. Как представляется, это изменение было предопределено прежде всего двумя факторами:

- глобализацией экономики, которая предоставила небывалые возможности террористическим организациям в финансовом плане;
- переходом террористических групп к сетевой структуре организации.

Следует отметить, что фактор глобализации экономики, его роль в трансформации экономической природы терроризма, уже длительное время является объектом экономических и политических обсуждений различного уровня. В частности, в справочном документе к п. 4 повестки дня неапольской Всемирной конференции по организованной транснациональной организованной преступности и терроризму приведены следующие факторы развития мировой экономики и политики, обусловившие возникновение транснациональной преступности и современного терроризма:

- увеличение взаимозависимости государств;
- формирование мирового рынка, для которого характерны тесные экономические связи, взаимные инвестиции;
- формирование международных финансовых сетей, систем международных расчетов, позволяющих быстро осуществлять сложные финансовые операции, с использованием банковских учреждений нескольких государств;
- развитие мировых систем коммуникаций;
- развитие международной торговли, чему особо способствовало введение системы свободной торговли в послевоенный период;
- широкое распространение технологий контейнерных перевозок;
- увеличение масштабов миграции, образование многонациональных мегаполисов.

Что касается сетевого (ячеистого) принципа организации террористических группировок, то он оказался чрезмерно эффективным в асимметричном противостоянии самым разнообразным оппонентам. Оба вышеупомянутых фактора (глобализация экономики и сетевой принцип организации различных структур) существенно трансформировали природу терроризма. В результате, как справедливо подчеркивает отечественный исследователь вопросов финансирования терроризма Е. Степанова, в современных условиях едва ли уместно традиционное, по сути, “техническое”, подразделение терроризма на внутренний и международный [Степанова 2005].

Финансирование терроризма представляется крайне существенным вопросом по той причине, что невозможно проводить террористические акции без наличия денежных средств. Сформированная финансовая система выступает важнейшим системным элементом, в значительной степени определяющим возможности реализации террористической деятельности. В настоящее время финансирование современного международного терроризма, его отдельных региональных кластеров, в том числе

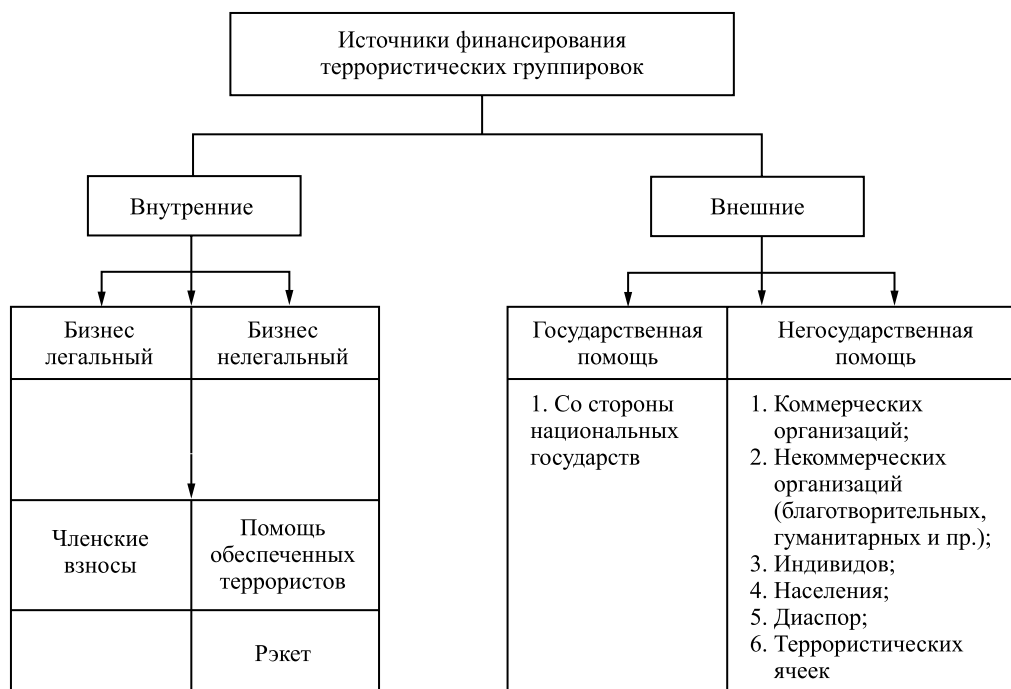

Рис. Источники финансирования международного терроризма.

и северокавказского, является многоканальным. При этом его масштабы, структура источников и их соотношение пребывают в постоянной динамике. Однако в каждый момент времени структура финансирования подполья может существенно различаться по отдельным территориям и сетевым структурам. При этом по мере перехода от полуцентрализованных структур, доминировавших в начале XXI в., к полицентрической (сетевой) организации подполья, источники его финансирования, как и число возможных адресатов, должны были дифференцироваться, дробиться. Это обстоятельство также существенно затрудняет выявление и пресечение каналов финансирования подполья [Суций 2010].

Мировой практический опыт свидетельствует, что финансовые вливания требуются террористическим группировкам преимущественно в инфраструктурных (процесс приготовления к теракту) и в непосредственных целях (проведение террористической акции). Следует отметить, что, по экспертным оценкам ведущих мировых террологов, соотношение между инфраструктурными целями и непосредственными составляет девять к одному. Исследователи фиксируют и зависимость между масштабом теракта, затратами на его проведение и его последствиями. При этом отмечается, что терроризм отличается одновременно и очень высокой, и очень низкой эффективностью [Латов 2012; Латов, Идрисов, Андреев 2014].

На сегодняшний день можно разделить источники финансирования террористических организаций на две основные группы: внешние и внутренние (см. рис.). К внешним источникам можно отнести поддержку от государств; религиозных учреждений; коммерческих и некоммерческих организаций; индивидов, населения и диаспор; а также террористических ячеек. В качестве источников внутреннего финансирования выделяются доходы, получаемые от легального и нелегального бизнеса, а также прочие доходы (например, членские взносы в рамках действующей террористической организации, помощь богатых террористов, а также и рэкет).

Одновременно следует констатировать, что в последнее десятилетие процессы глобализации экономики и переход к сетевой структуре организации трансформировали

роль финансовых источников террористических группировок, снизив долю внешних поступлений и одновременно увеличив и диверсифицировав внутренние. Таким образом, террористические группировки становятся в финансовом плане все более самодостаточными.

При этом необходимо подчеркнуть, что все же источники финансирования террористических группировок к настоящему времени уже оформились и остаются сравнительно неизменными, в то время как каналы финансирования террористических группировок подвержены существенным динамичным изменениям в сторону технического усложнения. В первую очередь, это обусловлено финансовой глобализацией и развитием Интернета, создавшего условия для формирования так называемых “сетевых денег” [4 Glossary... 2003] и появления их современных форм, таких как: электронные платежные системы, криптовалюты, цифровые золотые валюты, обменные сервисы цифровых валюты, а также иных элементов виртуальной экономики [Добавев 2016]. По прогнозам экспертов, подобные финансовые продукты и сервисы, обладая высокой финансовой эффективностью, неизбежно окажутся востребованными и в преступной деятельности, в том числе террористической, распространяясь, как свидетельствует мировая практика, от развивающихся стран к развитым (см. официальный сайт Росфинмониторинга — <http://www.fedsfm.ru/news/957>).

По мнению террологов, происхождение террористической организации определяет их финансовую подпитку. В этой связи заслуживает внимания классификация Ю. Латова:

1. Террористические организации, возникшие на религиозном и идеологическом фундаменте (преступная деятельность для таких группировок не является основой).

2. Террористические организации, возникшие на криминальной основе, а позже ставшие использовать религиозное обоснование как прикрытие. Такие террористические организации во многом подобны мафии: нелегалы, обладают силовыми ресурсами, построены на личном доверии. Поэтому они успешно внедряются именно в те криминальные промыслы, которые типичны для организованной преступности. Например, террористы Латинской Америки тесно связаны с кокаиновым трафиком, террористы Азии — с героиновым, повстанческие группировки Западной Африки — с контрабандой алмазов. В результате внедрения в мафиозные криминальные промыслы терроризм коммерциализируется, приобретает черты “обычной” мафии. Постепенно борьба “за идею” частично или полностью вытесняется борьбой за “длинный доллар”. С подобным мафиозным терроризмом бороться труднее, чем с мафией или с обычным терроризмом: он более воинствен и кровава, чем традиционная мафия, и более богат, чем терроризм традиционного типа. Если с “идейными” террористами можно искать и находить компромиссы, то с мафиозными террористами они принципиально невозможны. Мафиозизацией сейчас затронуты в той или иной степени практически все разновидности терроризма [Латов 2007].

Тем не менее отличительная черта обеих разновидностей терроризма является то, что криминальный бизнес для них — не самоцель. Наибольшее сходство с преступностью разных уровней состоит в используемых методах формирования финансовых ресурсов и их легализации, а различие — в характере их использования. В последнее время все явственнее просматривается закономерность: трансграничный терроризм “подминает” те виды преступного бизнеса, которые также связаны с международной деятельностью. Природа происхождения террористической группировки, в совокупности с источниками ее финансирования позволяет построить модель финансирования террористической организации. Как показывает практика, в настоящее время можно выделить несколько моделей (см. табл. 1).

Таким образом, проанализировав обширный материал об источниках, формах и методах финансирования современных террористических организаций в современном мире, можно выделить ряд значимых тенденций:

- активное использование сетевого принципа в финансовом аспекте, а также преимуществ от процесса финансовой глобализации экономики;

Таблица 1

Модели финансирования терроризма

Характеристики	<i>Модель № 1:</i> административно институционализированная “серая зона”	<i>Модель № 2:</i> партизанская “серая зона”	<i>Модель № 3:</i> подпольная организация с сильными внешними связями	<i>Модель № 4:</i> подпольная организация со слабыми внешними связями
Примеры	Чеченская республика 1992–1999 гг., автономная зона в Колумбии 1998–2002 гг., Афганистан 1996–2001 гг.	РВСК и НАО в Колумбии с 1980-х гг., Курдская рабочая партия в Турции с 1980-х гг.	“Аль-Каида” с 1990-х гг., чеченские террористы после 1999 г.	ИРА в Северной Ирландии 1990–2000-х гг.
Основные источники доходов	Хищение ресурсов (Чечня), контрабанда наркотиков (Колумбия, Афганистан)	Контрабанда наркотиков и иных товаров, “налоги” с населения	Спонсорство диаспоры и религиозных организаций	Местная теневая экономика (контрабанда, торговое пиратство, рэкет, грабежи)
Примерный объем ежегодных доходов (млн долл.)	До нескольких миллиардов	600 млн (Колумбия), не менее 300 млн (Курдская рабочая партия)	От 20–50 млн долл. (“Аль-Каида”), 90–270 млн долл. (Чечня)	До 10 млн долл.
Численность террористов	Около 40 тыс. (вооруженные формирования Чечни в 1994 г.)	10–15 тыс. (Курдская рабочая партия), 20–25 тыс. (наркопартизаны Колумбии)	1–5 тыс. (Чечня 2000-х гг.)	До 500

Источник: [Латов 2007].

- наличие у большинства террористических организаций мощной, высокодоходной, устойчивой, разветвленной финансовой базы;
- сокращение доли внешнего финансирования террористических группировок;
- увеличение и диверсификация доли внутренних источников финансирования;
- “загрязнение” “чистых” денег в ходе многоэтапного сращивания доходов, полученных от легального и нелегального бизнеса и внешнего финансирования [Добаев 2010].

Специфика финансовой подпитки террористических структур на Северном Кавказе

Что касается северокавказских террористов, то их экономическая база, как и в других регионах мира, состоит из двух составляющих: содействия из-за рубежа и использования внутренних источников. Соотношение этих составляющих постоянно изменялось. Так, в ходе первой чеченской кампании 1994–1996 гг. превалировали внешние финансовые потоки подпитки экстремистов, которые осуществлялись, как правило, через соответствующие неправительственные структуры (фонды, неправительственные религиозно-политические организации – НРПО и т.д.). В настоящее время этот канал финансирования из основного перешел на второстепенный, вспомогательный уровень.

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что в деятельности практически всех экстремистских структур на территории Северного Кавказа проявляются тенденции координации и взаимодействия в вопросах инспирирования дальнейших дезинтеграционных процессов в регионе. Управляемость этих структур объяснялась еще и тем, что они в 1990–2010 гг. в весомой степени финансировались спецслужбами и организациями иностранных государств либо непосредственно, либо опосредованно, через международные неправительственные структуры. Следствием такого варианта финансирования нередко оказывалось лишение политической самостоятельности. Специалисты подчеркивают, что и сегодня отдельную статью доходов северокавказского подполья составляет финансовая подпитка от международных террористических центров, исламских организаций радикального толка, расположенных как в пределах мусульманского мира, так и в странах Запада [Добаев 2014]. Правда, как уже отмечалось, уровень финансовой зависимости северокавказских экстремистов от внешних спонсоров в первое десятилетие 2000-х гг. неуклонно снижался. Это объясняется как уже приведенными выше аргументами (прежде всего, переходом отрядов международного терроризма на сетевую, децентрализованную систему структурного строения), так и значимым отвлечением в последнее десятилетие средств международных террористов на финансирование исламистских боевиков во многих странах Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки.

Что касается каналов внешнего финансирования северокавказского террористического подполья, то чаще всего в этих целях используются курьеры. Однако общеизвестно, что в своих финансовых операциях террористы из числа радикальных исламистов во многих “горячих точках” мира активно используют возможности разветвленной сети международного трансферта капиталов типа “хавала”, позволяющей осуществлять денежные переводы без физического перемещения наличности. Эта система, основанная на доверии, широко распространена в странах Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Она весьма привлекательна для террористов в силу своей надежности, поскольку не оставляет документальных и электронных следов (отсутствие обычных в финансово-кредитных операциях бухгалтерских проводок). Однако эта система вполне легальна с законодательной точки зрения в тех странах, где она наиболее задействована. В самом общем виде данная система действует так: от правитель денег передает некоторую сумму дилеру, имеющему небольшую контору в какой-либо стране; он связывается со своим партнером в другой стране и тот выдает сумму адресату. Поток денег по таким каналам настолько велик, что позволяет

дилерам не беспокоиться о долгах, а доверие между ними построено на семейных, клановых и этнических связях, что опять же дает возможность отсрочить выплаты по долгам. Потому “хавала” весьма устойчива по отношению к субъектам, осуществляющим борьбу с финансированием терроризма. Например, все усилия США и стран Евросоюза по установлению контроля над ней пока не принесли желаемого результата.

Данных об использовании возможностей “хавалы” для финансирования террористов на территории России пока не поступало, но это не означает ее отсутствия. Специалисты считают, что данная система вполне может быть задействована в регионах России, поскольку, например, в республиках Северного Кавказа созданы многочисленные меняльные и торговые точки, а также коммерческие структуры, принадлежащие гражданам государств Ближнего и Среднего Востока или контролируемые ими. Причем не исключено, что они связаны с зарубежными НРПО, а также их пособниками из числа местных жителей.

Среди внутренних источников подпитки радикалов в 90-е гг. XX в. можно назвать незаконный нефтяной и газовый промысел, чисто криминальные доходы (рэкет, похищения людей, контрабанда оружия и наркотиков, финансовые махинации в виде подделок авизо, фальшивомонетничество и т.д.). Особенно характерно это было для реалий Чечни.

В тот же период вокруг исламистских организаций сформировался своеобразный “буферный слой”, образованный легальными субъектами хозяйственной и общественно-политической деятельности, с помощью которых сепаратисты задействовали финансово-экономические, информационные и инфраструктурные ресурсы. Так, в течение 1999 г. Управлением Федеральной службы налоговой полиции совместно с государственной налоговой инспекцией Карачаево-Черкесской Республики проводилась проверка законности приобретения собственности, а также экономической деятельности коммерческих структур, принадлежащих общественным объединениям и движениям экстремистской направленности либо оказывавших им финансовую поддержку. В результате было выявлено 11 предприятий, руководителями которых были лица, исповедывавшие радикальный ислам и оказывавшие поддержку экстремистам. Владельцем двух предприятий оказался разыскивавшийся за совершение террористических актов в Москве и Волгодонске А. Гочияев. В результате проверки финансово-хозяйственной практики этих предприятий их деятельность была прекращена [Добаев 2003]. Та же ниша используется бандподпольем и в настоящее время. Как подчеркивает С. Суший, и сегодня «имеется доход от бизнес-структур, непосредственно организованных террористическим подпольем (основная их масса располагается в “своих республиках”, но, очевидно, могут быть налажены производства и в других республиках Северного Кавказа, впрочем, как и в иных регионах России или в странах ближнего и дальнего зарубежья). Сюда же можно отнести прибыль от участия в различных формах криминального бизнеса (от торговли нефтепродуктами до проституции и игорного бизнеса)» (цит. по [Добаев, Добаев, Немчина 2015]). Таким образом, вследствие процесса формирования в первой половине 2000-х гг. сетевых террористических структур северокавказского подполья, меняется и система их финансирования, которая все меньше зависит от внешних поступлений, становясь все более автономной.

Как подчеркивает дагестанский ученый Х. Курбанов, перекрытие каналов финансирования бандгрупп хотя и важное мероприятие, но не всегда решающее проблему существования и разрастания религиозно-политического экстремизма, а тем более террористических группировок, которые подпитываются определенными идейно-политическими и социоэтическими предпосылками, а также имеют автономную самоорганизацию и мобильные отряды, не нуждающиеся в стабильном и щедром финансировании. В условиях существования массовой коррупции установить, пусть и путем шантажа и угроз, контроль над несколькими фирмами и коммерческими предприятиями для террористического подполья не представляется сложным. Со слов Ш. Басаева,

они именно таким образом получали немалую финансовую поддержку от глав администраций Чечни [Курбанов 2006].

Главенствующую роль внутреннего фактора финансовой подпитки терроризма выделяет в своем интервью и советник председателя Национального антитеррористического комитета ФСБ РФ А. Пржездомский: «Нам часто хочется объяснить активность террористических групп “кознями из-за рубежа”. Безусловно, отмечается некоторая деятельность зарубежных центров влияния — это и финансовая подпитка, методическая, организационная помощь, инструктажи и тому подобное. Но, надо признать, что все это не является решающим фактором, который обеспечивает высокую активность бандподполья. Так, финансирование антигосударственной деятельности во многом переведено “на места”. Главный источник денежных потоков, благодаря которым организуются все новые теракты — тотальный рэкёт. Практически весь частный бизнес в ряде южных регионов обложен “террористическим налогом”. Предприниматели и чиновники элементарно боятся за свою судьбу, инструменты защиты со стороны власти не срабатывают (случается даже, что коррумпированные представители органов власти находятся “в доле”» [Пржездомский 2016].

Внутренне обусловленный характер нынешнего финансирования северокавказского терроризма подтверждает также Суший, отмечая, что поступления идут от легальных и теневых бизнес-структур, в той или иной степени контролируемых подпольем. С учетом масштаба теневой экономической деятельности в республиках Северного Кавказа, “крышевать” которую легче, чем легальное производство, доля прибыли подполья на данном направлении может быть значительной [Суший 2010]. Как следствие, в настоящее время важная особенность современного северокавказского терроризма состоит в том, что это устойчивая и уже достаточно независимая в финансовом плане система, имеющая многоуровневый бюджет, состоящий из бюджетов “джамаатов”, секторов, валайятов и, наконец, собственно “Имарата Кавказ” [Текушев 2016].

Бюджет “Имарата Кавказ” формируется из бюджетов валайятов, бюджеты валайятов — из бюджетов секторов, а они, в свою очередь, черпаются из бюджетов джамаатов. Формирование всех этих бюджетов происходит за счет так называемого “налога на джихад”, который боевиками представляется в качестве одного из “столпов ислама” — закята. Им исламисты облагают бизнесменов и чиновников в северокавказских республиках, а также соплеменников за их пределами. Суть системы налогообложения основана на вымогательстве, которому руководство “Имарата” придало теологическое обоснование. Сбор средств идет снизу вверх, начиная с уровня джамаатов сел и завершая республиками и всей зоной, подконтрольной “Имарату”.

Кассой валайятов, секторов и джамаатов распоряжаются амиры этих структур. Как отмечают эксперты, эта особенность идеально работает на эффективность всей системы, так как в условиях подполья и террористической деятельности финансовая независимость подразделений террористов позволяет быстро разрабатывать и реализовывать теракты и диверсии на всех уровнях. Сбором средств при этом занимаются и сами боевики, и их родственники, а также сочувствующие и симпатизирующие террористам. Отказ в уплате “налога” нередко завершается казнью “виновного” [Текушев 2016].

Как известно, “налог на джихад” не является изобретением северокавказских радикалов, он практиковался и практикуется в аналогичных условиях повсеместно в государствах Ближнего, Среднего Востока и в Северной Африке. Например, во время советского военного присутствия в Афганистане аналогичный налог бандитам выплачивали государственные и партийные функционеры, включая министров, членов Ревсовета и Политбюро правящей Народно-демократической партии [Мансур 1994].

На Северный Кавказ аналогичная практика вымогательства под теологическим прикрытием пришла во время первой чеченской кампании. Однако в тот период это были, скорее, единичные акты вымогательства, работающие на интересы конкретных бандитских группировок. Затруднительно четко определить время, когда данная практика была трансформирована в систему сбора и распределения средств,

работающую в интересах всей сети. Однако впервые об этой практике как системе заговорили лишь в 2010 г., когда на сайте кабардино-балкарских боевиков появились первые угрозы в адрес бизнесменов, отказывавшихся платить “закят”. Затем эта практика распространилась на все территории, где действует современное подполье, причем получила теологическое обоснование [Текушев 2016]. Четкое взаимодействие всех звеньев “налогообложения” на Северном Кавказе обеспечило подполью значительный приток финансовых средств, который укрепил подполье и расширил его ряды, обеспечил независимость от ослабевших внешних поступлений.

Вместе с тем “администрация” виртуально существующего “Имарата Кавказ”, как и нижестоящие сетевые структуры северокавказских террористов, поражены традиционными социальными “болезнями”, свойственными государственным структурам, в частности коррупцией. Достоинством гласности стали скандалы с растратами, фиксировались даже соответствующие постановления шариатского суда [Боброва 2010]. Эксперты отмечают также, что под маской сепаратизма и радикального исламизма на Северном Кавказе нередко скрывается обычный криминал, активно практикующий в последние годы рэкёт.

Таким образом, в настоящее время реальная структура финансирования террористического подполья на Северном Кавказе представляет собой разветвленную сеть, непрерывно меняющую свою географию и структуру, общий объем циркулирующих средств, долевые соотношения различных источников. Из общих тенденций последних лет можно выделить также сокращение поступлений из внешних источников и усиление внутренней финансовой подпитки терроризма, диверсификацию внутренних источников, а также постепенную финансовую “оптимизацию” деятельности бандподполья, которое в условиях жесткого прессинга со стороны государства перешло на режим самоограничения, научилось достаточно эффективно расходовать сократившиеся объемы финансовых поступлений. Несмотря на ослабление роли и влияния так называемого “Имарата Кавказ” в результате нейтрализации в конце 2013 г. ее лидера Д. Умарова, переориентации некоторых банд северокавказских террористов на так называемое “Исламское государство”, ситуация с вопросом финансирования местных такфиритов-джихадистов существенных изменений не претерпела. И это не удивительно, ведь подобные образования требуют от присягнувших им на верность зарубежных сетевых структур и их ячеек в максимально возможной степени самим обеспечивать собственное финансирование, любыми способами и средствами, в том числе откровенно криминальными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боброва О. (2010) Как устроено подполье. Имарат Кавказ. Государство, которого нет // Новая газета. № 22.

Добаев А.И. (2016) Платежный инструментарий системы “хавала”, используемый для уравнивания взаимных обязательств и обеспечения исполнения переводов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. № 4. С. 114–118.

Добаев А.И. (2010) Хавала: неофициальная система финансирования терроризма / Южнороссийское обозрение ЦСРИП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Выпуск № 65. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ.

Добаев И.П. (2003) Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ.

Добаев И.П. (2014) Радикализация ислама в современной России. М. – Ростов-н/Дону: Социально-гуманитарные знания.

Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. (2015) Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. Ростов-н/Дону: Изд-во Южного федерального университета.

Курбанов Х.Т. (2006) Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан). Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ.

Латов Ю.В. (2007) Экономический анализ современного терроризма. Учебное пособие для вузов. М.: Академия управления МВД России.

Латов Ю.В. (2012) Экономические потери от актов терроризма // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. № 2. С. 15–25.

Латов Ю.В., Идрисов Р.Ф., Андреев А.П. (2014) Экономические аспекты террористической деятельности. Национальная безопасность // NOTA BENE. № 3. С. 415–424.

Мансур А.Х. (1994) Панджшер дар дауран-е джаҳад (Панджшер в годы джихада). Кабул.

Пржездомский А.С. (2016) В эпицентре противостояния идеологии смерти // Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт] (<http://nac.gov.ru/publikacii/vystupleniya-i-intervyu/przhezdomskiy-intervyu-sovetnika.html>).

Степанова Е.А. (2005) Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь Мир.

Суций С.Я. (2010) Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия). Ростов н/Дону: Издательство ЮНЦ РАН.

Текушев И. (2016) Имарат Кавказ как особая исламская “этнофундаменталистская модель” (<http://constitutions.ru/?p=8077>).

A Glossary of Terms Used in Payments and Settlement Systems (2003) Bank for International Settlements, The Committee on Payment and Settlement Systems. March.

Financial Aspects of the Assistance of Terrorist Network Organizations in the North Caucasus

*I. DOBAEV**

*A. DOBAEV***

***Dobaev Igor** – doctor of philosophy, professor, expert of Russian Academy of Sciences, Southern Federal University. Address: 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation. E-mail: dobaev@gmail.com.

****Dobaev Andrey** – candidate of economic sciences, expert, Centre for regional studies of the Institute of sociology and regional studies, Southern Federal University. Address: 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation. E-mail: andrros@gmail.com.

Abstract

The article presents the major trends and sources of terrorist organizations funding in the world and in the North Caucasus. Their dependence on economy globalization and the transition of terrorist groups to the network principle of organization is shown. A perspective picture of transformation in funding of network terrorist groups in the North Caucasus, consisting of reducing of the revenues from external sources, simultaneous strengthening of the internal financing and diversification of the internal sources is given in the article. The development of the total extortion system, which substantiates the so-called “Tax on jihad” is also highlighted.

Keywords: Jeehad, Zakat, Imarat Caucasus, Islamism, radical Islamism, North Caucasus, Terrorism, Terrorism Financing, Hawala, Extremism.

REFERENCES

A Glossary of Terms used in Payments and Settlement Systems (2003) Bank for International Settlements, The Committee on Payment and Settlement Systems., March.

Bobrova O. (2010) Kak ustroeno podpolie. Imarat Kavkaz. Gosugdarstvo, kotorogo net [How does the underground work. Caucasus Emirate. The state, which does not exist]. *Novaya gazeta*, no. 22.

Dobaev A.I. (2010) Hawala: neofitsialnaa sistema financirovania terrorisma [Hawala: informal system of terrorism financing]. *Yuzno-rossiiskoe obozrenie TCSREp EPPK UFU i ESPE RAN*. Vyp. 65. Rostov-of-Don: Izdatelstvo SKNTC VSH UFU.

Dobaev A.I. (2016) Plateznii instrumentarii sistemi “hawala”, ispolzyemii dl'ya uravniwania vzaimnix obyazatel'stv i obespetchenia ispolnenia perevodov [Payment instruments used by hawaladars to equalize the mutual obligations and ensure transfer performance]. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenie zapiski SKAGS*, no. 4, pp. 114–118.

Dobaev I.P. (2003) *Islamskii radicalism: genesis, evolutsia, praktika* [Islamic radicalism: genesis, evolution, practice]. Rostov-of-Don: Izdatel'stvo SKNTC VSH.

Dobaev I.P. (2014) *Radikalizatsia islama v sovremennoi Rossii* [The radicalization of Islam in modern Russia]. Moscow–Rostov-of-Don: Sotsialno-gumanitarnie znaniya.

Dobaev I.P., Dobaev A.I., Nemtchina V.I. (2015) *Geopolitika i terrorizm epokhi posmoderna* [Geopolitics and terrorism in the postmodern age]. Rostov-of-Don: Izd-vo Yuzhnogo Federalnogo universiteta.

Kurbanov H.T. (2006) *Religiosno-politicheskii ekstremizm na Severo-Vostoshnom Kavkaze: ideologia i praktika (na materialax Respubliki Dagestan)* [Religious and political extremism in the North-Eastern Caucasus: ideology and practice (on Republic Dagestan materials)]. Rostov-of-Don: Izdatelstvo SKNTC VSH.

Latov U.V. (2007) *Ekonomicheskii analiz sovremennogo terrorizma. Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Economic analysis of modern terrorism. Textbook for high schools]. Moscow: Akademia upravleniya MVD Rossii.

Latov U.V. (2012) Ekonomicheskie poteri ot aktov terrorizma [Economic losses from acts of terrorism]. *Protivodeistvie terrorizmu. Problemi XXI veka – Counter-Terrorism*, no. 2, pp. 15–25.

Latov U.V., Idrisov R.F., Andreev A.P. (2014) Ekonomitsheskie aspekty terroristicheskoi deyatel'nosti. Natsional'naa bezopasnost' [Economic aspects of terrorist activities. National security]. *NOTA BENE*, no. 3, pp. 415–424.

Mansur A.H. (1994) *Pandger dar dauran-e djahad (Pandger v godi djeehada)* [Panjshir in the years of jihad] Kabul [: without publishers].

Przezdowski A.S. (2016) *V epitsentre protivostoyania ideologii smerti* [At the epicenter of confrontation against the death ideology] (<http://nac.gov.ru/publikacii/vystupleniya-i-intervyu/przhezdomskiy-intervyu-sovetnika.html>).

Stepanova E.A. (2005) *Rol narkobiznesa v politekonomii konfliktov i terrorizma* [The role of drug trafficking in the political economy of conflict and terrorism]. Moscow: Ves Mir.

Sushchii S. Ya. (2010) *Terroristicheskoe podpolie na vostoke Severnogo Kavkaza (Tchatchnia, Dagestan, Ingushetia)* [The terrorist underground in the east of the North Caucasus (Chechnya, Dagestan, Ingushetia)]. Rostov-of-Don: Izdatelstvo UNTS RAN.

Tekushev I. (2016) *Imarat Kavkaz kak osobaya islamskaya etnofundamentalistskaya model'* [Caucasus Emirate as a special Islamic “ethno-fundamentalist model”] (<http://constitutions.ru/?p=8077>).